

О сем радуйтесь, поскорбев теперь немного,
если нужно, от различных искушений,
дабы испытанная вера ваша
оказалась драгоценнее гибнущего,
хотя и огнем испытываемого золота,
к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа.
(1-е Петра 1:6,7)

Этот рассказ старого адвентиста о его нелёгкой, но наполненной славой Божьей, жизни мы нашли в христианской газете «Вечное сокровище», №1 за 2014 г.. Подобная судьба постигла многих христиан, живших в советские времена, но не все остались верны своему Господу под бременем гонений, издевательств, унижений безбожной системы, отдельных её структур и личностей, подстрекаемых сатаной.

Эту историю рассказал о себе Роберт Иосифович Линк, родной отец уже знакомых вам (если не лично, то по [материалам нашего сайта](#)) пасторов и проповедников – Николая, Роберта и Александра Линков. Но Господь побудил нас опубликовать её не только поэтому.

Последнее поколение христиан не знает тех тягот, лишений и вопиющей несправедливости, которые выпадали на долю первоапостольской церкви, верующих в

Я благодарен Богу, что Он провел меня этим путем

Автор: Роберт Иосифович Линк
24.02.2014 15:59

Иисуса Христа, живших при социалистическом строе, учением которого был атеизм, т.е. безбожие.

По большому счёту, начиная от дней Самого Иисуса, гонения преследовали истинных христиан всегда и везде. Господь предупреждал, что так будет: «Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Ин. 15:20). Неужели мы, христиане, живущие в последнее время, так и останемся не испытанными? Ни в коем случае! «Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться» (Откр. 3:18), – так Дух Божий говорит нам.

В годину испытаний такие истории, истории личных опытов веры, помогут нам устоять и остаться верными Господу.

* * *

Роберт ЛИНК (10.02.1924 - 07.01.2003)

Родился в Новом Оберманой Саратовской области, Россия. Проживал: Новый Оберманой, Воркута (трудармия), Новокузнецк, Талды-Курган, Или (тюремное заключение), Ташкент, Падерборн

В 1946 г., по окончании Второй мировой войны, я оказался в трудовом лагере. Я благодарен любящему Богу, что Он провел меня этим путем и помог мне, хотя до войны и во время пребывания в трудармии я не знал Его. Позже я понял, что именно благодаря Его любви и милосердию я смог пережить это время.

Трудармия была страшным бедствием, которое большинство окружавших меня пережить не смогли. От голода и изнурительного труда умирали сотни людей. Нужда была столь велика, а люди – настолько измучены и ожесточены, что некоторые срезали мясо с трупов умерших рядом с ними и ели его, чтобы выжить. Как мне удалось

выйти оттуда живым, я узнаю, наверное, только на Новой земле. Сейчас я понимаю, что привел меня туда грех. А Богу я благодарен, что Он не оставил меня. Он дал мне понять, как ужасна жизнь во грехе, и предложил мне взамен Свою благость и милость.

Я был счастлив, что сразу по возвращении из трудармии смог познакомиться с милосердным и любвеобильным Богом. А через несколько лет мне и моей семье пришлось пережить еще одно испытание. Мы жили в Кузбассе, у нас было шестеро детей, и я уже 16 лет был верующим. Как и большинство жителей этого региона, я работал на каменноугольной шахте. Но через несколько лет меня уволили, потому что наша семья святила день субботний, согласно заповеди Божьей.

В этом регионе невозможно было найти другую работу, и брат Михаил Кулаков, который в то время был служителем церкви в Алма-Ате, пригласил нас переехать в Талды-Курган. Там с работой было полегче и нужен был церковный попечитель. Наши дети по субботам были всегда с нами на богослужении и потому пропускали школьные занятия. Хотя они учились хорошо и выполняли все задания, властям было важно, чтобы дети воспитывались в духе атеизма.

По этой же причине меня и с шахты уволили, угрожали даже лишить родительских прав.

На новом месте жительства мы сразу же попали под наблюдение со стороны властей. Я работал вместе с другими братьями из церкви на строительстве кошар и домиков для чабанов далеко в степи. Зарплату мы получали при сдаче объектов, поэтому находились по две-три недели вдали от дома и работали от восхода до заката.

Вся наша бригада состояла из адвентистов, поэтому день субботний мы проводили в покое, согласно заповеди Божьей. Однажды в субботу, это было в начале лета 1962 г., нас разыскали двое работников КГБ, лейтенант Бурашов и капитан Колесников. Я пригласил их поучаствовать с нами в изучении Библии. Несколько минут они смотрели на нас, а потом один из них сказал: «Роберт Линк, вы арестованы!» Трудно описать, как эти слова подействовали на моих братьев. Единственное, что я сейчас, десятилетия спустя, могу сказать: *«В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх»*.

Меня посадили в машину и повезли в Алма-Ату. Мою Библию они бросили на пол машины, под ноги, и не произнесли ни слова, пока мы не приехали в следственный изолятор КГБ. Мне приказали раздеться. Меня самого, а также одежду тщательно обыскиали. После этого милиционер повел меня в одну из камер и запер за мною дверь.

Бурашов или Колесников присутствовали на всех моих допросах, вел допросы старший лейтенант Ловягин. Меня обвиняли в том, что я под видом религиозной деятельности причиняю вред советской молодежи (имелись в виду мои собственные дети). В Уголовном Кодексе за данное преступление предусматривалось наказание в виде пяти лет лишения свободы.

Я пытался защищать себя, цитируя Конституцию СССР: «Каждый советский гражданин имеет право избирать, быть ему верующим или неверующим... В СССР церковь отделена от государства и государство – от церкви. Потому церковь не может вмешиваться в дела государства и государство – в дела церкви...»

Дух Святой поддерживал меня, и потому я знал, что именно отвечать на все их вопросы. Часто, как бы между прочим, они спрашивали о моих братьях по вере. Мы знали: если из Москвы пришло указание посадить такое-то количество человек, местным властям было все равно, кто это будет. Главное – найти нужное количество верующих и правдоподобную причину, которую можно было бы представить в суде. Поэтому на вопрос о братьях по вере звучал стандартный ответ: «Спросите его самого, я не знаю».

Однажды на очередном допросе Ловягин вдруг разоткровенничался: «Знаешь, у нас тут уже много всяких верующих было, но такого, как ты, я встречаю впервые. Скажу тебе честно: если бы все были такими, как ты, с этим можно было бы мириться. Намного сложнее с этими иудами, которые к нам попадают. Ожидать, что они изменятся, невозможно. Они все на свете тебе наобещают и расскажут, но как только их выпускают, они и нас продают, как Иуда».

Через некоторое время мне устроили очную ставку с одним из наших братьев. Он, судя по протоколам следствия, рассказал го, о чем его не спрашивали. И его показания выставляли меня в негативном свете, хотя ничего общего с реальностью не имели. Когда нас поставили в камере допросов друг напротив друга, я не сдержался и сказал ему: «Ну, Иуда, что делаешь, делай скорее!» Этот брат был намного старше меня, и

Бурашов пригрозил: «Мы со своей стороны сделаем все, чтобы его освободить. Ты же, еретик, получишь по полной программе». Я ответил: «Не пытайтесь меня путать. Я уверен: то, чем я живу, — это истина. Поэтому, даже если вы меня лишите жизни, вы только облегчите мою участь».

Этого брата, однако, они не отпустили. Позже мы вместе предстали перед судом. Он нанял себе адвоката, а я не мог себе этого позволить. Я положился на защиту невидимых ангелов. Свои ответы перед судом я основывал на статьях советской Конституции и законодательстве, которые теоретически были на моей стороне.

Во время допросов и в камерах было непросто. Первые дни меня держали в четырехместной бетонной камере, где стояли четыре железных скамейки, на которых можно было лежать. Все постоянно курили, а я не переносил запах табака. Чтобы как можно меньше вдыхать дым, я ложился на бетонный пол под скамью. Таким образом, у меня был матрац из бетона и одеяло из железа.

Но любвеобильный Бог вскоре послал к нам начальника следственного изолятора. Он открыл двери и увидел перед собою только троих. «А где четвертый?» — испугался он. Они показали рукой под скамью: «Вон там, он не переносит табачного дыма». После этого меня перевели в камеру-одиночку. Моя душа торжествовала, так что от радости я даже подпрыгнул. Господь помог мне даже тогда, когда я Его не просил.

Совсем одного меня, однако, в камере не оставили. На следующий день мне принесли книги Маркса и Ленина. Это была провокация. Если задержанные клали книги великих вождей на нары, чтобы не спать на голом железе, их наказывали. Считалось, что этим они выражают свое отношение к советской идеологии. Поэтому я даже не прикоснулся к ним.

Несколько недель спустя мне вновь пришлось переехать. В этот раз — в комнату ожидавшего суда министра Мемоханова, которого обвиняли в коррупции. Он был в депрессии и предпринял уже несколько попыток покончить с собой. В отличие от других камер, эта комната была обставлена добротной мебелью. Переехав сюда, я почувствовал себя как в раю. Такой кровати у меня не было даже дома!

Когда я появился в комнате, Мемоханов ожил. Мы много беседовали, мне даже петь захотелось. Я люблю псалмы Сиона, и ему особенно нравилось, когда я пел «О, Искупитель мой, гряди». Он сказал мне: «Как только нас освободят, я найду тебе рабочее место, где ты свободно сможешь соблюдать свою субботу». Я жил в этой комнате более двух месяцев. Потом начался суд.

Судебное заседание, на котором рассматривались наши дела, проходило в одном из самых больших залов города Талды-Курган. Были приглашены представители всех религиозных организаций. Судили меня и вышеупомянутого брата по вере. Нам предъявили обвинения по разным статьям. Меня обвиняли в том, что мои дети по субботним дням пропускали школьные занятия; того брата – в чем-то другом.

Вдруг судья спросил его: «Как бы вы поступили с детьми на месте Роберта Линка?» Тот ответил так, как от него ожидали. Тогда судья обратился ко мне: «Почему вы, подсудимый Линк, не слушаете вашего старшего брата?» Дух Святой побудил меня тогда ответить следующее: «Гражданин судья, я верю не в моих братьев, а в Бога, открытого в Библии. Поэтому я руководствуюсь тем, что исходит от Бога».

Я уже упоминал, что следователь Бурашов пообещал освободить этого брата, а меня засадить. Суд же постановил иначе. Мне дали два года общего режима, а ему – четыре года строгого. Я был преисполнен благодарности Богу, что он сохранил меня от лукавства следователей. С этим моим братом по вере мы больше не виделись. Он попал в один из лагерей строгого режима и там погиб. Должен сказать, что каждый раз, когда о нем вспоминаю, я сожалею только об одном – что назвал его на допросе иудой.

~~«Он сказал им: Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной»~~
«Он сказал им: Истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной»
(Лк. 18:29,30).

Господь любви и милосердия да будет восхвален и прославлен вовеки!

* * *

P.S. История записана Я. Фрисом во время рождественских каникул 2002 г.. Через десять дней, 07.01.2003 г., Роберт Линк умер. Но его слова останутся в памяти тех, кому еще предстоит пройти свой жизненный путь.